

БОТТОНУТО



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Cairistiona Shot

Боттонуто

«Автор»

2026

Shot C.

Боттонуто / С. Shot — «Автор», 2026

Смогу ли я не быть разочарованием своей матери? О, упаси Господи. Она ведь так старалась меня таковой видеть. Но это было бы слишком легко. Реставратор и судебный эксперт — главное разочарование своей матери. А когда тебя обвиняют в махинациях и сделке с мафией, балансировать на уровне безупречности своей сестры становится совсем невозможно. Особенно если против тебя — комиссар Кортесе, лучший из лучших. Он холоден, бесстрашен и, кажется, не верит ни единому моему слову. Что ж, либо мне удастся его перехитрить, либо придётся отправиться в ссылку на Южный остров. Представление или помощь? Давайте-ка посмотрим.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Cairistiona Shot

Боттонуто

Глава 1

"Чёрная книга учёта Боттонуто".

— Отпусти меня! — Мария рванула плечом, пытаясь выкрутить руку из жёстких пальцев агента, но тот даже не замедлил шага — толкнул её вперёд, в распахнутую дверь кабинета, и она едва удержалась на ногах.

Жёсткое деревянное сиденье ударило по бёдрам — не чтобы наказать, а так, как задвигают ящик, который должен стоять на своём месте. Сердце колотилось где-то в горле, щёки горели от прилившей крови. Мария знала этот стул — знала, кто сидел на нём до неё: воры, мошенники, уличные девки из Боттонуто, люди, которых допрашивали здесь до того, как отправить в камеру или в Трибунал. Мария гордо вскинула подбородок и твердо решила, что она не из их числа и становиться покорной жертвой не собирается.

В кабинете было невыносимо душно. Окна распахнули настежь, но снизу, из двора Квестуры, тянуло раскалённым камнем и вонючей бензиновой гарью — июльский Милан плавился от жары. Мария сидела неподвижно, спрятав руки в складках юбки. Кожа на пальцах саднила: весь день она работала со спиртовым растворителем, и теперь даже собственная одежда касалась их как наждак. Она сжала пальцы, пытаясь унять дрожь, которая не имела отношения к боли. Это был страх — и он требовал, чтобы его спрятали.

Фамилию того, перед кем она сидела, Мария запомнила ещё в коридоре: один агент бросил другому — «к комиссару Кортеше». Имени она не знала. Да и не хотела знать.

Комиссар сидел напротив — спина прямая, лицо неподвижное — и перелистывал какие-то сводки с тем ленивым, отсутствующим видом, с каким просматривают утреннюю газету за кофе. За окном, на виа Фатебенефрателли, прогрохотал трамвай — желтый вагон «Вентотто» лязгнул на стыке рельсов так, что задребезжали стекла. Кортеше не шевельнулся. Даже не поднял головы. Только перевернул страницу — привычным, скупающим движением, словно в кабинете никого не было.

Мария сглотнула. Горло пересохло, а собственный голос, когда она наконец заговорила, показался ей чужим — слишком громким, слишком резким в этой вязкой тишине.

— Вы ведь понимаете, что я сама принесла эту книгу Фонтане? Если бы я что-то скрывала, я бы промолчала.

Он не ответил. Взял со стола *verbale* и сильным нажимом большого пальца загнул угол листа — пометка для подшивки в дело. Движение было обычным, механическим, но именно от этого Марии стало не по себе. Жест, которым закрывают вопрос. Её уже подшили. Раз и навсегда. Можно даже не тратить слова.

— Самый надежный способ отмыть грязные реестры Боттонуто — принести их эксперту, — Кортеше заговорил тихо, буднично, по-прежнему не глядя на неё. — Молодая синьорина из хорошей семьи находит ошибку, поднимает шум, Квестура верит. Ведь в суде ваше заключение стоит десятки тысяч лир. Значит вы пришли к Фонтане, чтобы легализовать фальшивку для Моретти. — Он наконец оторвался от сводок, медленно поднял голову и окинул её тяжелым, немигающим взглядом. — Но вы ведете себя не как подобает подследственной.

Вот, значит, как. Дорогой инструмент. Красивый переплёт, в который можно завернуть любую ложь. Семья хорошая, заключение дорогое, репутация безупречная — идеальная упаковка для мафиозной фальшивки. И он в это верит. В этом вся беда — он не играет, не выполняет чужой приказ. Он искренне считает, что поймал её за руку.

Мария глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. Внутри всё кипело от несправедливости его слов.

Но она не собиралась доставлять ему удовольствие. Не сорвётся. Не закричит.

— Для этого места моё поведение подходит идеально.

Он даже не моргнул. Только посмотрел — долго, спокойно, словно решая, стоит ли эта помеха его времени. Ни злости, ни раздражения — одна холодная оценка, от которой у Марии всё сжалось внутри. Южный остров. Пять лет. А может, и десять. Одним росчерком пера — не из жестокости, а потому что так удобнее. Она для него сейчас была не женщиной, не экспертом, даже не дочерью своего отца. Она была вопросом, который следовало закрыть. А вопросы в этом кабинете закрывали быстро.

Он медленно открыл «Чёрную книгу» Боттонуту, зафиксировал палец на развороте и поднял на неё взгляд — тот самый, который она уже видела в Трибунале, когда прокурор вставал, чтобы зачитать приговор. Выдержать его было не сложнее, чем за ночь восстановить рассыпающийся переплёт.

— Двадцать восьмой год, синьорина Моранди. Ведомость выплат по Боттонуту. Здесь стоят подписи пяти разных людей Моретти. Квестура знает каждого из них. Почему вы три дня ковырялись в этих подписях вместо того, чтобы сразу выдать экспертное заключение?

Мария подалась вперёд, в косой луч настольной лампы.

Он не лжёт.

Мария вдруг поняла это с абсолютной ясностью. Он искренне верит, что она работает на Моретти.

От этой мысли ей стало почти горько.

Почти смешно.

Если бы не было так страшно, она бы, наверное, усмехнулась.

Что ж. Если он так уверен — пусть смотрит. Экспертиза — её территория.

— Затем, синьор комиссар, что почерк выдает автора, — твердо сказала она. — Негрмотные вымогатели Боттонуту пишут тяжело, коряво, путая буквы. Но посмотрите на эти строки. Буквы ровные, наклон безупречный, нажим профессиональный. Пять разных имен написаны одной натренированной рукой.

Она указала пальцем на серую страницу, не прикасаясь к ней. Пусть смотрит. Пусть увидит то, что видела она. Буквы — они как люди. У каждой свой характер. Свой ритм. Свой изъясн.

— Тот, кто составил этот реестр, просто взял ручку и красиво вывел чужие фамилии. Книга — фальшивка от начала до конца. Кто-то подставил людей Моретти. Я нашла этот подлог и сразу пошла к синьору Фонтане, потому что это моя работа. Я защищаю подлинность букв, а не мафию.

Комиссар замер. Его пальцы со шрамом на костяшках слегка напряглись. Он молчал долго, целую минуту. В кабинете стало так тихо, что было слышно, как в кабинете тикают настольные часы. Мария смотрела на его опущенные веки и не понимала, о чём он думает. Разозлился? Поверил? Он просто разглядывал строчки под своей ладонью, будто видел их впервые. На его лице не дрогнул ни один мускул. И он даже не стал спорить.

— Вы слишком много на себя берете, синьорина Моранди, — его голос прозвучал тихо, почти обыденно. Он поднял голову и посмотрел на неё всё тем же пустым, немигающим взглядом. — Попытаться переложить вину на неизвестных исполнителей прямо здесь — это изящный ход. Но буквы лгут. Как и люди.

Буквы не лгут. Они просто существуют. Это люди вкладывают в них ложь. Или правду. Смотря кто держит перо.

Мария выпрямилась на жестком сиденье. Горячая злость на секунду пересилила страх.

— Вам ли не знать о лжи, синьор комиссар.

Она приняла его взгляд как пощёчину — не дрогнув.

— А вы слишком проницательны, чтобы не отличать правду от фальшивки. Просто сейчас вам гораздо удобнее её не замечать.

Кортеше молча смотрел на неё.

В его тёмных глазах мелькнуло что-то.

Не гнев.

Скорее, холодное, опасное удивление. Так смотрят на неудобное препятствие, которое неожиданно отказалось исчезнуть.

— Вы не производите впечатления глупого человека. — Пауза. — Тем хуже. Значит, вы сами понимаете последствия.

Мария ответила не сразу.

— Я совершала ошибки и похуже.

Голос дрогнул лишь на секунду, но она быстро исправилась. Понимала, что показывать слабость перед ним было самоубийством.

— И до сих пор жива.

Он промолчал. Хотя Мария понимала, что промолчал он только физически. Она буквально слышала, как крутятся его мысли. Слишком громко он думал в этой пугающей тишине кабинета.

Взял со стола латунный колокольчик. Звук вышел резкий, металлический.

— В камеру! — коротко приказал Кортеше, отворачиваясь к окну. — До утра. Verbale подготовите к подписи.

Ей было тошно осознавать собственную беспомощность. Он отвернулся к окну, как отворачиваются от надоевшей вещи.

В кабинет глухо стукнули металлические набойки уставных сапог. Один из вошедших агентов молча взял Марию за локоть. Она поднялась слишком резко, едва скрывая злость.

Мария на секунду замерла. Медленно, с вызовом она опустила взгляд на обтянутые кожей пальцы агента, сжимавшие рукав её жакета, а затем посмотрела ему прямо в лицо. Тот от неожиданности — от этого холодного, высокомерного взгляда — на мгновение ослабил хватку.

Она не стала вырывать руку и не обернулась. Она вдруг поняла: завтра утром ей понадобятся абсолютно все силы. Но спина затекла, страх перегорел и сменился дикой, свинцовой усталостью.

Мария молча пошла к выходу, слушая, как за её спиной комиссар с сухим металлическим стуком открывает тяжелую дверцу железного сейфа, чтобы запереть там книгу Боттонуту.

Лязг металла, глухой стук, щелчок замка достигли ее уже на лестнице, смешавшись с эхом ее собственных шагов.

Мария Моранди всегда держалась за книги, как другие держатся за перила, когда лестница уходит из-под ног. С самого детства плотный запах телячьей кожи, воска и канифоли заменял ей тепло дома, а шелковистый шорох страниц был единственной музыкой, под которую не хотелось плакать. Каждое движение скальпеля при реставрации чужих текстов казалось ей тихим воскрешением, пока в это серое миланское утро её собственная жизнь не превратилась в безличную строчку расследования Квестуры.

Мария не знала, сколько прошло времени. Час, три, а может, вечность. В камере не было окон — только тусклая лампочка под потолком, и она давно перестала жмуриться от её грязного желтого света.

«Вот так и сгнию прямо на этом месте, чтоб его!» — упиравшись лбом в холодную, шершавую стену, подумала она.

Она долго перебирала в голове способы отомстить Кортеше, но всё было тщетно. В Италии тридцатого года за попытку очернить имя комиссара без лишнего шума отправляли на дальний южный остров. И хуже всего, если такой грех совершит женщина. Никакое заступничество пастора дона Иньяцио перед префектурой не спасет репутацию, если Квестура захочет устроить показательный процесс. Оставалось надеяться только на Божье провидение — хотя, положа руку на сердце, на связи дона Иньяцио она надеялась гораздо больше.

«Должно же быть у этого человека слабое место», — не унималась Мария.

Она размышляла, есть ли у Кортеше семья и способно ли вообще его каменное лицо выражать хоть какие-то чувства. Мария злилась. Она то садилась на узкую скамью, то резко вставала, быстрыми шагами измеряя холодную камеру Квестуры. В голове лихорадочно крутилась одна и та же мысль: как она, Мария Моранди — эксперт по подлинности документов, докатилась до этого унижительного дня, когда просто честно выполняла свою работу?

От холода и сильной усталости мысли начали путаться, и Мария сама не заметила, как провалилась в полузабытый сон прямо на жестких досках.

Из забытья её выдернул резкий скрежет. В тяжелую железную дверь камеры грубо постучали ключом.

— Завтрак, синьорина! — рявкнул надзиратель снаружи.

Мария с трудом разлепила веки. Тело затекло, во рту пересохло. Она поднялась — медленно, держась за стену, чувствуя, как задеревеневшие мышцы нехотя подчиняются. Шаг. Ещё шаг. Окошко в двери было открыто.

— Который час? — голос прозвучал хрипло, она сама его не узнала.

Ответом был глухой скрежет железа. Смотровое окошко захлопнулось, а за дверью раздался низкий голос, от которого у Марии мгновенно внутри все сжалось:

— Семь утра, синьорина Моранди.

На секунду стало тихо — так тихо, что Мария услышала собственный пульс.

Засов грохнул так, что зазвенело в ушах. Дверь распахнулась. На пороге стоял не дежурный надзиратель.

Кортеше.

Сон слетел мгновенно. Он. Здесь. В такую рань — значит, не передумал. Значит, ночь в камере ничего не изменила, и он уже здесь, чтобы продолжить то, что начал вчера. Мария отступила от двери, чувствуя, как внутри поднимается что-то не похожее на страх. Тянувшее ощущение неизбежности.

Сейчас всё начнётся заново.

Он втискивался в узкий проем как чужеродный, пугающе чистый объект. От него пахло горькой полынью одеколона и свежевыглаженным хлопком сорочки. На фоне этой его безупречной, утренней деловитости Мария слишком остро, до тошноты, почувствовала собственную грязь: липкую испарину на шее, затекшую до судорог спину и кислый привкус подвальной сырости во рту.

Кортеше едва заметно шевельнул подбородком — короткий, скупой жест, который не требовал слов. *Выходи.*

Мария покачнулась от резкого прилива крови к голове и попыталась восстановить хрупкое равновесие после тяжёлой ночи. Затем шагнула к двери и остановилась в полушаге от комиссара, заставив себя смотреть прямо в его плоское лицо.

— Если вы рассчитывали, что за ночь в этой гнилой дыре я изменю свое экспертное заключение, комиссар, то у меня для вас плохие новости, — выдохнула она со скрытой злостью.

Кортеше даже не моргнул. Он принял её злой выпад с тем же безразличием, с каким уличный фонарь принимает капли дождя. Он смотрел сквозь неё, и от этого взгляда её гордость вдруг показалась ей самой чем-то жалким — не то оружие, не то детская игрушка.

— У вас будет много времени на новости, синьорина, — пугающе тихо произнес он. — На выход.

Он развернулся на каблуках и пошел по длинному коридору, не оборачиваясь. Его тяжелые шаги гулко рикошетили от низких каменных сводов. Он не проверял, идет ли она следом — он просто знал, что дежурный агент, стоящий у Марии за спиной, уже занес руку, чтобы толкнуть её в междуящичье лопаток.

Мария пошла за ним, едва успевая за его длинным, размеренным шагом. Юбка мешала двигаться, ноги после сна на досках были ватными. На повороте к главной лестнице, когда они поравнялись с зарешеченным окном внутреннего двора, откуда несло гарью заведенного мотора, она почти нагнала его.

— Синьор комиссар! — Мария перехватила ртом холодный воздух. — Куда меня везут? В Сан-Витторе?

— На Корсо Гарибальди, — оборвал он на ходу, даже не глядя на неё. Голос оставался ровным — ни тени эмоции, ни намёка на то, что её вопрос вообще был услышан. — Подпишите протокол изъятия.

Домой.

Они вышли во внутренний двор. На улице было серо и промозгло. Дождь всё ещё моросил — или снова пошёл, Мария не знала. Служебный «Фиат-514» с черными номерами Квестуры уже стоял у крыльца. Мотор тихо рокотал, выбрасывая из выхлопной трубы клубы влажного пара. Агент, который сидел за рулём, увидев комиссара, мгновенно распахнул заднюю дверь.

— Садитесь, — Кортеше указал Марии на тусклое кожаное сиденье, а сам сел рядом, захлопнув тяжелую дверцу.

Мария послушно выполнила это распоряжение, едва соображая от усталости.

— На Корсо Гарибальди. В лавку Моранди.

Мария замерла, глядя, как резиновые щетки дворников со скрипом размазывают серую воду по лобовому стеклу. Ловушка захлопнулась. За одну ночь — пока она сидела в камере — он перевернул всё. Прямо сейчас они ехали туда, где была её мастерская, архив и отец.

Отец будет разочарован. Снова. А я ведь не сделала ничего дурного — ровным счётом ничего! Знала бы, что этим закончится, никогда бы не переступила издательский дом Фон-таны.

Мария сидела, скрестив руки на груди и все еще смотрела на дождь, который наконец успокоил июльский зной. Так же он успокоил немного и саму Марию. Вчера было неистово душно, словно в аду, — сейчас неимоверно сыро, мокро и туманно. Хотелось плакать, как маленькой синьорине. Так вышло, что она давно не ребёнок, но эмоции всё те же. Детские. Глупые. Настоящие. А ведь она взрослая, самостоятельная женщина — по крайней мере, так о ней думают.

Увлёкшись рассматриванием дождя и внутренним монологом, Мария не заметила, как слова вылетели из её рта, резко разрезая тишину и гул мотора:

- Неужели вы не видите, что я невиновна? — она посмотрела на него, и не верила своим ушам, что сказано было не в мыслях, а вслух.

Мария слегка зажмурилась и прикусила губу, ругая себя за свою несдержанность перед комиссаром.

Уже и не надеясь на ответ, она хотела было отвернуться, но всё же он не оставил интригующий вопрос без ответа:

- Вы ещё не устали, синьорина? Прекратите этот спектакль. Иначе я решу, что по вам плачет сцена. — Он посмотрел на неё — слишком пристально, слишком пронизательно. Ей захотелось выйти из машины прямо на ходу.

С тем же скучающим и невозмутимым выражением лица, словно приходилось в сотый раз объяснять очевидный вопрос ребёнку, но сохранять терпение, — ответил Кортеше и поспешно отвернулся.

Придётся гнить на южном острове до конца своих дней. И всё из-за дурацкой книги.

Автомобиль затормозил у тротуара. Водитель выскочил под дождь и открыл дверь. Мария ступила на холодный, мокрый асфальт; тонкая кожа туфель мгновенно впитала уличную сырость. Кортеше вышел следом. Он поглубже натянул на лоб мокрую фетровую шляпу, поднял воротник плаща и жестким кивком указал на запертую дверь букинистической лавки.

Обычно в восемь утра Корсо Гарибальди только просыпался, но сегодня за стеклянной витриной, среди темных стеллажей, уже горела одинокая лампа. Как только тяжелые подошвы сапог Кортеше стукнули по каменным ступеням крыльца, засов изнутри скрежетнул. Дверь открылась — на пороге стояла Кьяра.

На ней было наспех накинутый vestaglia, волосы растрепались. Увидев Марию в сопровождении комиссара, Кьяра инстинктивно рванулась вперед, но натолкнулась на ледяной, мёртвый взгляд Кортеше и замерла на месте.

— Мария... Боже, Мария, что происходит? — Кьяра растерянно переводила взгляд с сестры на Кортеше. — Отец всю ночь не спал. Эти люди из Квестуры перевернули весь дом...

Она осеклась под взглядом комиссара.

— Синьорина, пропустите, — сухо и ровно оборвал её Кортеше, даже не снимая шляпы. — Мы приехали завершить опись. Нам нужен глава дома.

Он прошел мимо Кьяры в прохладную тишину лавки. Мария двинулась следом, чувствуя, как внутри всё сжимается от стыда перед сестрой. Пахло старой кожей, сухой бумажной пылью и остывшим кофе — запахами её детства, которые теперь были отравлены чужим присутствием.

Из глубины зала, из-за массивного дубового стола, заваленного старинными гравюрами, поднялся отец. Мария сразу заметила, как сильно он осунулся за эту ночь — лицо посерело, под глазами залегли тени. Но держался он, как всегда, прямо, и взгляд его, устремлённый на Кортеше, был полон того самого профессорского презрения, которого комиссар, кажется, даже не замечал.

— Комиссар, — отец произнес звание так, словно читал скучную архивную опись. — Ваша ночная смена оставила после себя слишком много беспорядка. Моя дочь — уважаемый эксперт, а не уличная воровка.

Кортеше остановился посреди лавки, спокойно расстегнул пуговицы плаща и выложил на стол папку. Внутри лежали её тетради — те самые, в сером картонном переплёте, которые Мария держала в руках ещё вчера утром.

— Её статус в этом городе мне известен, синьор Моранди, — так же тихо и спокойно ответил он, глядя отцу прямо в глаза. — Но к её записям по Боттонуто есть вопросы. Поднимитесь с нами в мастерскую. Вы будете присутствовать при описи.

Ступени старой винтовой лестницы глухо поскрипывали под их шагами — казалось, дом скрежетал зубами, но не смел ничего сказать. Отец поднимался первым, тяжело держась за деревянные перила. Мария шла следом, и каждый шаг отдавался в ней тупой болью — то ли от недосыпа, то ли от унижения. Кьяра, бледная, двигалась позади всех. Остаться внизу она не могла — да её никто и не спрашивал.

Мансарда встретила их тишиной и резким запахом спиртового растворителя. Здесь всё принадлежало Марии: аккуратные стопки пожелтевших листов, тяжелые железные зажимы для пергамента, скромная узкая кровать в углу. Центральный ящик рабочего стола оставался полуоткрытым — ночные гости не потрудились закрыть его.

Кьяра прошла вглубь комнаты и встала у изголовья кровати сестры, нервно сжимая пальцами край vestaglia. Отец остановился у самого стола, заложив руки за спину.

Кортеше вошёл последним. Он не осматривал комнату — он в ней расположился. Снял шляпу, аккуратно положил её на край стола. Без суеты, без лишних движений. Как будто заходил сюда каждое утро. Папка легла на деревянную столешницу с глухим стуком — и в этом звуке было больше угрозы, чем в любом приказе.

Он раскрыл её, пробежал глазами по описи. Затем поднял взгляд на Марию.

— Вы подтверждаете, что тетради изъяты из вашего рабочего стола вчерашней ночью?

— Подтверждаю.

— В них содержатся ваши личные записи по Боттонуто?

— Если вы уже прочитали их, зачем спрашиваете?

Кортеше не ответил. Он перевернул страницу описи, бегло провёл по ней глазами и двинулся вдоль стеллажей — медленно, заложив одну руку за спину. Со стороны могло показаться, что он разглядывает корешки. Но Мария видела: он не читает названия. Он сканирует. Каждую полку. Каждый зажим. Каждый флакон.

Он взял в руки один из флаконов, что стоял у самого края полки — с тёмной жидкостью, заткнутый стеклянной пробкой. Повертел в пальцах, прочитал этикетку.

Затем поставил флакон обратно — аккуратно, ровно на то же место.

— И часто вам приходится снимать кляксы с документов, которые потом оказываются в Квестуре?

Вопрос прозвучал тихо, почти буднично. Но Мария услышала подтекст.

— Документы попадают в Квестуру независимо от того, снимала я с них кляксы или нет, — ответила она. Голос прозвучал ровно.

Кортеше кивнул — скорее своим мыслям, чем ей. Прошёл дальше — к стеллажу с её личными книгами. Старые словари, справочники по чернилам, атлас водяных знаков. Он провёл пальцем по корешкам, не касаясь их. Затем, не оборачиваясь, спросил:

— Ваш отец знает, с какими материалами вы работаете?

Отец, стоявший у окна, не шевельнулся. Только пальцы, сцепленные за спиной, сжались сильнее. Кьяра замерла у кровати, переводя взгляд с сестры на комиссара. Дождь за окном на секунду притих, словно тоже слушал.

Мария выдержала паузу.

— Мой отец знает, что я работаю с документами, которые касаются правды. Он научил меня этому.

Кортеше обернулся и посмотрел на неё с нескрываемым раздражением.

— Вы всегда работаете одна?

— Всегда.

— И никто не помогает? Не консультирует? Не просит взглянуть на документ... в обход издательства?

«В обход издательства. Вот куда он клонит. Я, значит, по ночам подделываю документы для мафии!».

Мария чуть склонила голову, из последних сил сдерживаясь, чтобы не прошипеть ему прямо в лицо.

— Я не беру частных заказов. И у меня нет сообщников, если вы об этом.

Кортеше не ответил. Он закрыл папку, затянул тесемки. Затем повернулся к отцу и протянул ему ручку.

— Синьор Моранди, сверку описи считаю законченной. Поставьте вашу подпись здесь и внизу страницы.

Отец взял ручку. Его пальцы, испачканные въевшимися за годы чернилами, двигались медленно, но росчерк на бумаге протокола вышел жестким и угловатым. Он вернул ручку Кортеше и сделал полшага назад, заслонив Марию плечом.

— Надеюсь, Квестура Милана удовлетворила свой аппетит, комиссар, — произнес он с холодной усмешкой. — Или вам нужно унести еще пару моих старых латинских словарей, чтобы доказать заговор Моретти?

Кортеше даже не поднял брови. Мария отступила от него брезгливо. Ей было тошно находиться с ним в одной комнате.

Он взял папку под руку, надел шляпу. Затем перевёл взгляд на Марию.

— Любопытно, — произнёс он, ни к кому не обращаясь. — В вашей мастерской пахнет растворителем, но не пахнет деньгами. Обычно у тех, кто работает на Моретти, пахнет и тем, и другим.

Мария усмехнулась. Коротко. Сухо.

— Тогда вы знаете, что я там не была.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то холодное, опасное удивление. Он не ожидал, что она сумеет развернуть его же аргумент.

Он сделал шаг к ней. Один. Медленный. И остановился ближе, чем позволяли приличия.

Пытаясь внутренне защититься, она сложила руки на груди и вздёрнула вверх подбородок. Её тут же обдало этим горьким запахом полыни и цитруса, чего-то темного, что уже успело поднадоесть за последние сутки. Было страшно. Но также чувствовалось и соперничество.

— Вы очень смелая, синьорина Моранди, — произнёс он почти шёпотом, но в этом шёпоте звенел металл. — Или очень глупая. Я ещё не решил.

— Решайте быстрее, комиссар. У вас завтра допрос.

Отец рванулся вперёд — инстинктивно, забыв о протоколе, забыв о Квестуре, — но Кьяра перехватила его за локоть. Вцепилась обеими руками. Не потому что была сильнее — она была слабее. А потому что поняла: ещё секунда — и отца арестуют за сопротивление. Грудь его тяжело вздымалась от бессильной ярости.

Кортеше перевёл взгляд на него. Выдержал спокойно, без вызова. Затем отступил — ровно на шаг.

— Завтра в девять утра, синьорина. Не опаздывайте.

Он кивнул Кьяре и пошел к лестнице. Ступени снова заскрипели. Внизу звякнул колокольчик, хлопнула дверь, и с улицы донесся рокот мотора.

В мансарде стало тихо. Кьяра рухнула на край кровати, её лицо казалось бумажным, бледным до синевы. Мария стояла, обхватив себя за плечи, словно она единственная кто может защитить себя от самой себя. Но так не бывает, и это было так горько осознавать.

— Боже, Мария, что происходит? — Кьяра подняла на неё полные слез и злости глаза. — Какая мафия? Какое Боттонутто? Антонио сам не свой, у него буквально руки тряслись! Он сказал, что из-за тебя нас всех могут сгноить в ссылке. Зачем ты вообще полезла в это издательство? Отец, ну скажите ей!

Но он даже не шевелился. Он смотрел на пустое место, где только что лежали тетради и протокол. Его полуседая борода едва заметно дрогнула.

— Кьяра, не сейчас, — тихо, но так, что сестра осеклась, произнес отец. Он повернулся к Марии. В его глазах больше не было строгости — только тревога. — Этот Кортеше... ему были не нужны твои тетради, дочка. И реактивы твои ему не нужны. Он приехал посмотреть на тебя дома, в мастерской. На то, как ты говоришь, как реагируешь, куда деваешь руки, когда он задаёт свои вопросы. Он вычислял на каком слове ты дрогнешь.

Отец сделал один шаг к ней и положил тяжелую ладонь на плечо. Её пальцы, все еще хранившие запах спиртового растворителя, мелко подрагивали.

— Рассказывай, Мария. С самого начала. Что на самом деле в этой книге? Потому что этот человек вернется. И в следующий раз он придет не с протоколом.

Сейчас она с горькой иронией осознавала, что её биография вряд ли когда-нибудь украсит полки богатых библиотек наравне с Данте. Квестура Милана великая литература не инте-

ресовала. Для этих людей прежняя, респектабельная синьорина Моранди перестала существовать, превратившись в серый лист verbale с фиолетовым штампом и зловещими водяными знаками «Pubblica Sicurezza». Из этой ловушки пути назад уже не было.

Мария подняла взгляд на отца. Отрезанный от окна серой стеной миланского дождя, его силуэт казался хрупким, но сейчас она отчетливо поняла: время стыда прошло. Завтра в девять утра на виа Фатенебенефрателли ей придется сыграть в игру, где ставкой была не просто подпись эксперта, а жизнь всей её семьи.

Глава 2

«Не будь моим разочарованием».

Когда Мария и Кьяра были детьми, мать часто повторяла им одну и ту же истину: «*Женщина должна быть тихой, Мария. Тихой и удобной. Тогда её возьмут*». И самое главное: «*Выйдешь замуж — будешь в безопасности. Нет — пропадёшь*».

Мария не знала, думала ли так мать до своего замужества, или это проповеди дона Иньяцио укрепили её в мысли, что Божьи заповеди вполне можно совместить с выгодой.

Элена Моранди была строгой католичкой, но без фанатизма. Если бы мать не слушала дона Иньяцио так слепо, её уроки о правильном замужестве, возможно, не врезались бы Марии в память так отчётливо. И когда Кьяра вышла замуж за Антонио — обычного инспектора Административно-санитарного отдела Квестуры, которому платили только государственное жалованье, а сама Мария зарылась в чернила и архивные рукописи, материнская вера в счастливое будущее дочерей окончательно рухнула. Умирая от чахотки, Элена крепко, до боли впила пальцами в ладони Марии и твердила лишь одно: «*Не будь моим разочарованием*». Но Мария с детства знала, что стала им с первой секунды своей жизни — начиная от не слишком миловидной наружности и заканчивая вольным, упрямым характером.

И сейчас, когда служебный Fiat 514 тормозил у тротуара на виа Фатебенефрателли, Мария чувствовала только одно: груз фамилии Моранди, который она тащила на себе с детства, стал в это утро окончательно неподъёмным.

В девять утра Мария уже стояла у здания Квестуры. Дождь кончился, но небо над Миланом оставалось низким и серым. Перед входом она на секунду замедлила шаг — не от страха, а от холодной, тянущей пустоты под ложечкой, которая преследовала её с той минуты, как за Кортеше захлопнулась дверь их дома.

Отец не стал её удерживать. Когда она спускалась по винтовой лестнице, он уже стоял за прилавком. Молча протирает стёкла очков — старый, привычный жест, означавший, что он ушёл глубоко в свои мысли. Кьяра уехала сразу после описи — Антонио прислал за ней служебную машину, едва агенты Кортеше покинули Корсо Гарибальди. Сестра не сказала ни слова на прощание, только прижала к себе своего сына Лео и скрылась за дверцей автомобиля.

— Если к полудню ты не вернёшься, я пришлю адвоката, — сказал отец, не поднимая глаз.

Это было всё. Ни объятий, ни напутствий. Только скрип входной двери и звук её шагов по мокрому тротуару.

Едва она переступила порог массивного серого здания, как дежурный агент на входе скользнул по ней взглядом — узнал или сделал вид, что узнал, — и молча кивнул на лестницу. Мария поднялась на второй этаж, где находился следственный отдел. Каменные коридоры уже гудели от привычной утренней суеты: хлопали двери, звенели дисковые телефоны, пахло табачным дымом и государственным сукном.

Мария остановилась у кабинета комиссара и замерла. В конце коридора, у стеллажа с архивными папками, стоял Антонио. Лицо у него было серым, под глазами залегли тени — бессонная ночь не прошла бесследно. Он лихорадочно перебирал бумаги, не поднимая головы.

Заметив Марию, он на секунду застыл. Бросил короткий взгляд, полный сожаления, и едва заметно качнул головой: *не сейчас*. Затем уткнулся в бумаги и скрылся за дверью кабинета.

Бедный Антонио.

Она сделала глубокий вдох, заставила себя успокоиться и постучала в тяжелую дверь кабинета Картесе.

— Войдите, — раздался изнутри знакомый, низкий голос.

Мария открыла тяжёлую дверь и зашла. В кабинете пахло кофе — горьким, свежесваренным, и этот запах мешался с утренней духотой и запахом бумаг. Она не ожидала. Комиссар пил кофе. Просто и обыкновенно пил из чашки.

А что ему еще пить? Заговорённую жидкость какой-нибудь старой донны на успех в моём деле?

Он сидел за столом — без кителя, в одном жилете, рукава чёрной сорочки закатаны до локтей. Перед ним громоздились папки, сводки, какие-то ведомости — утренний улов Квестуры. Он не поднял головы сразу, и у неё было несколько секунд, чтобы разглядеть его лицо. Утренний свет из окна падал на острые скулы, на шрам над бровью, на пальцы с вечной ручкой — всё тот же Кортеше, что и вчера, только ещё более собранный.

Он скользнул перьевой ручкой по нижнему краю бланка, оставив размашистую подпись, и только после этого закрыл чернильницу. Металлический колпачок звякнул в тишине.

Затем поднял глаза. Мария уже знала этот взгляд — тяжёлый, оценивающий, ничего не упускающий. Он смотрел на неё так, словно она была ещё одним документом, который предстояло проверить.

— Вы вовремя, синьорина Моранди, — произнес он. — Садитесь, — он указал на стул, напротив.

Мария прошла к кожаному креслу напротив его стола, стараясь, чтобы шаги звучали твердо.

Перед ним лежали её тетради в сером картонном переплёте — раскрытые, размеченные закладками. Кортеше сделал глоток, поставил чашку на блюдце и подвинул к ней папку.

— Ваши тетради, синьорина. Я проверил каждую страницу.

Мария не шевельнулась, только лишь колко подметила:

— Вы нашли там счета Моретти? Или, может быть, мою переписку с доном мафии?

Он не ответил. Только посмотрел на неё — и в этом взгляде не было ни злости, ни насмешки. Скорее, любопытство: она снова не оправдывалась, а нападала.

Кортеше взял верхнюю тетрадь в сером картонном переплете, открыл её и внимательно вчитался в её аккуратный почерк. Комиссар остановил палец на одной из строчек.

— Синьорина Моранди, — его голос прозвучал негромко. — Здесь выписаны адреса пяти зданий в Боттонутто. И прямо напротив них вашей рукой проставлены три даты: пятнадцатый год, двадцать второй и двадцать восьмой.

Он поднял на неё глаза. В них не было злости — только абсолютная холодность и строгость.

— Зачем эксперту по документам выписывать хронологию этих объектов за последние пятнадцать лет? Клан Моретти как раз в двадцать втором году тайно забрал под себя эти точки, а в двадцать восьмом — полностью перевел права собственности на подставных лиц. Зачем вам эти даты?

Он знал, куда бить. Против этих дат ей нечего было возразить — они действительно совпадали с этапами, когда Моретти прибирали Боттонутто к рукам.

— Это даты смены канцелярских стандартов, комиссар, — спокойно сказала Мария. Она указала кончиком пальца на свои пометки. — В пятнадцатом году на всех документах Боттонутто появился обязательный штамп военной цензуры, и чернила военного министерства стали блеклыми, с примесью сажи. В двадцать втором, после реформы ведомства, Квестура Милана полностью поменяла формуляры отчетности. А в двадцать восьмом город перешел на новые бланки с водяными знаками.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не отслеживала собственность Моретти. Я выстраивала временную хронологию чернил и бумаги, чтобы понять, в какой период была изготовлена фальшивка. И знаете, что я обнаружила?

— В «Черной книге Боттонуто» стоят свежие штампы двадцать восьмого года, но сам текст написан длинным, вежливым языком, который Квестура не использует со времен Первой мировой войны. Документ, который вы считаете подлинным, искусственно составлен из кусков разных лет. Я искала временные разрывы в тексте.

Кортеше не ответил. Он молча смотрел на строчки в тетради, словно взвешивал каждое её слово. Для него это всё ещё могло быть очень умной ложью. Но в его взгляде впервые появилась опасная сосредоточенность, который понял, что зацепка реальна.

— И вы определили это за три дня?

— Я эксперт по почерку и тексту. Это моя работа.

Кортеше откинулся на спинку стула. В его глазах мелькнуло что-то на подобии восхищение. Но если бы. Скорее, оценивающий интерес. Так смотрят на механизм, который оказался сложнее, чем предполагали.

— Вы понимаете, синьорина, что если книга действительно подделана, то её настоящий владелец — не мафия Моретти?

Мария замерла.

— То, о чём вы говорите, — продолжал он, — тянет не на уличных бандитов. Это уровень государственного архива. Уровень людей, которые пятнадцать лет сидят в кабинетах и знают, как выглядит циркуляр Министерства внутренних дел. Вы это понимаете?

Она понимала. Слишком хорошо. Но вслух сказала другое:

— Я не следователь, синьор комиссар. Я реставратор.

— Вы судебный эксперт, — поправил он. — И вы знаете, что улики не исчезают. Они просто ждут, когда их найдут.

Он встал, обошёл стол и положил перед ней серый бланк.

— Подписка о невыезде, синьорина Моранди. Город Милан. Любая попытка покинуть пределы коммуны без разрешения Квестуры будет считаться побегом. — Он помолчал. — Вам ведь есть где жить?

Мария взяла ручку. Пальцы дрогнули — она заставила их успокоиться.

— Есть. Корсо Гарибальди. Вы вчера перевернули там каждую полку.

Кортеше не отреагировал на укол. Он смотрел, как она выводит подпись — твёрдую, с резким нажимом, совсем не похожую на испуганную.

— Ещё одно, — сказал он, забирая бланк. — В ваших записях есть слово «fideicommissum». С одним «m» на конце. Мои агенты пишут его с двумя. Вы — нет. Почему?

Мария подняла глаза.

— Потому что в классической латыни фидеикоммисс — это форма завещательного отказа. С одним «m». Двойное «m» — это средневековый искажённый вариант, который используют юристы по привычке. Я реставрирую тексты, синьор комиссар. Я привыкла к оригиналу.

Кортеше долго смотрел на неё. Затем сухо кивнул — не ей, а словно самому себе.

— На сегодня вы свободны. В издательство можете возвращаться. Квестура изымает все материалы по этому кварталу Боттонуто. Если директор спросит — сошлитесь на меня.

Он положил перед ней визитную карточку. Плотный белый картон, чёрный шрифт. Только имя и номер телефона.

— Если вам покажется, что за вами следят, — звоните. Немедленно.

Мария взяла карточку.

— Это всё?

— Да.

Какой же странный человек этот комиссар. Словно книга на секунду показала важную деталь сюжета и тут же спрятала, заставляя забыть о ней.

- И пока вы собираетесь с мыслями, синьорина Моранди. Вчера вечером на издателя Фонтану напали. Вам что-нибудь об этом известно?

Внутри всё оборвалось. Фонтана. Нападение.

Не может быть! Это же может быть абсолютно точной наводкой прямо на меня.

Жив ли он?

Мария лихорадочно перебирала в голове кучу мыслей, то и дело нахмуривая брови, пытаясь выдать нужную. Но ничего подходящего не появилось. Да и не хотелось.

Взгляд его был убийственно цепким. Скрыть или затаять что-либо, не важно что, было совершенно точно невозможно. Мария уже начинала привыкать к холоду, который медленно поднимался вдоль позвоночника.

Она уже было открыла рот, чтобы хоть что-то ответить, прерывая звенящую тишину его кабинета. Но кроме удивления и, все-таки, колкостей, ничего на ум не приходило. Ее прервал низкий голос комиссара:

- Ну а пока вы целую минуту приходите в себя, я вам скажу лишь одну вещь, - он слегка наклонился вперед, словно доверяя ей какой-то секрет. – Никто и ничто от меня не уходит. Помните об этом.

Мария, прекрасно понимая сколько весят его слова, не менее колко сострила:

- Я передам синьору Фонтане.

Мария вышла в коридор и остановилась, прижавшись спиной к стене. Визитка всё ещё была в её руке — плотный белый картон, чёрный шрифт, только имя и номер.

Она смотрела на карточку и думала, что этот человек только что признал её невиновность — не вслух, не протоколом, но тоном своего голоса. И от этого ей стало страшнее, чем от всех его обвинений.

Но больше всего пугал совсем другой поворот событий – нападение.

Жизнь Марии Моранди имела исключительно неожиданные повороты судьбы за последние несколько суток. Но, что, если мать и вправду была права, называя ее своим главным разочарованием? Выходит, надежда на светлое будущее разоружена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.